

³² Шкловский В. О Дзиге Вертове. С. 85.

³³ В газете «Кино» (1927, № 16) Васильев писал: «...в целях восстановления истины сообщаю, что мною таковой трюк никогда проделан не был и авторство на этот трюк принадлежит тов. Бойтлеру». Цит. по: Калгатина Л. Комментарии // Шкловский В. За 60 лет: Работы о кино. С. 529.

³⁴ Шкловский В. Моталка // Там же. С. 44. А в статье «Открытия и изобретения» он приводит поиск такого «словарного значения» уже не наивным зрителем, а Сергеем Эйзенштейном, пытавшимся воссоздать в кадре аналог словесного построения «худая рука». «Это

нужно было снять так, чтобы прилагательное “худая” было бы одним кадром, а рука – другим. Этим достигается то, что нельзя было бы прочитать кадр “белая рука”» (Шкловский В. Там же. С. 119.)

³⁵ Шкловский В. Советская школа актерской игры // Там же. С. 72.

³⁶ Шкловский В. Пограничная линия // Там же. С. 111.

³⁷ Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. С. 327.

³⁸ Там же. С. 330.

УДК 82.0–312.6

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЖАНРА БИОГРАФИИ

Е. А. Иванова

Саратовский государственный университет
E-mail: elivan1988@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению истории жанра биографии и его теоретического осмысления, а также актуальным теоретическим проблемам жанра.

Ключевые слова: биография, история жанра, теория жанра.

Theoretical Principles and Current Issues of the Biography Genre

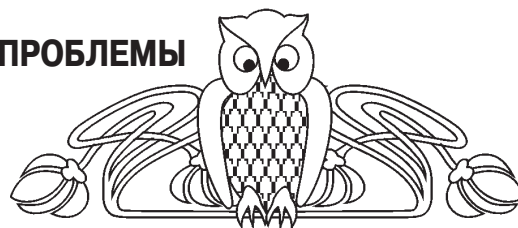
E. A. Ivanova

The article is dedicated to the history of the biography genre and to its theoretical realization, as well as to the current theoretical issues of the genre.

Key words: biography, history of genre, theory of genre.

В современной издательской практике одним из самых востребованных считается жанр биографии великих или известных людей. На Западе существуют специальные литературные премии за лучшую биографию года, по тиражам биографии сопоставимы с романами. Эта очевидная потребность современной культуры в сочинениях биографического жанра отражается и в уровне литературоведческого внимания к биографии.

На данный момент не существует общепризнанного чёткого определения биографии. Вместо дефиниции выступает буквальный перевод термина с греческого (*bio* – жизнь, *grapho* – пишу), но он, по справедливому замечанию А. А. Холикова, «как показывает время, нуждается в пояснении»¹. Сравнительная определения из двух литературных энциклопедий разных лет, исследователь указывает на произошедшее меньше чем за полвека существенное смещение акцентов со связей жизни человека с общественными обстоятельствами на поиск истоков его общественно значимой деятельности². Сам Холиков предлагает понимать биографию как «один из способов познания и

реконструкции ... личности в её становлении и развитии»³, а в качестве ведущей жанровой особенности выделяет «стремление третьего лица воссоздать словесными средствами целостный процесс становления, развития и деятельности исторической личности»⁴. Некоторые исследователи вообще отказываются признавать биографию жанром. Так, И. Я. Лосиевский на основании невозможности выделить объединяющие жанровые признаки для всех разнородных явлений, которые включает в себя понятие «биография», предлагает термин «биографическое письмо», понимая под ним «переданное средствами языка данной культуры и зафиксированное в текстовой форме цельное научно-образное представление о феномене личностной индивидуальности»⁵. А А. Л. Валевский вводит для обозначения теоретических и методологических особенностей практики биографического письма термин «биографика», под биографией же понимает «реконструкцию истории личностной индивидуальности» не только как жанр литературы, но и как особый вид гуманитарного познания⁶.

Дополнительные сложности, по замечанию К. Бруммак, заключаются в том, что биографию нельзя причислить ни к одному из родов литературы, так как она может быть написана в любом из них, а также в существовании многочисленных биографических форм (таких как некролог, литературный портрет, автобиография, агиография, биографический роман и т. д.)⁷.

Однако большинство исследователей пользуются термином «биография», не останавливаясь на проблеме его точного научного определения. Биография остаётся «слабо конституированным» жанром с размытыми границами⁸, и Г. Ли, взявшись сформулировать десять правил для работа-

ющих в нём, завершает их так: «...единственное правило биографии заключается в том, что здесь нет правил»⁹. Р. Коли связывает это с тем, что жанровое определение – слишком умозрительная вещь, а биография привлекательна именно своей непосредственной связью с жизнью¹⁰. Нечётким остаётся и понятие «литературная биография», употребляемое в узком смысле для обозначения биографии литератора, а в широком – любой биографии, написанной литературным языком.

История жанра биографии восходит к поминальным плачам и записям о деяниях фараонов в Древнем Египте¹¹. С конца полисной эпохи (конец IV до н. э.) биография активно развивалась в Древней Греции. С. С. Аверинцев выделяет два основных вида древнегреческой биографии – риторическую, отбирающую факты по эмоционально-оценочному принципу для создания похвального слова или поношения, и гипомнематическую, носящую справочный характер и тяготеющую к расположению материала по рубрикам. Новаторскими стали «Параллельные жизнеописания» Плутарха, написанные в форме морально-этических этюдов и сблизившие биографию с популярно-философской литературой¹².

В Средние века жизнеописательную литературу представляли преимущественно жития святых. Ренессанс был отмечен возвращением интереса к личности, в первую очередь творческой, и стали появляться светские биографии¹³. Само это слово вошло в европейские языки в XVII в.

С середины XVIII в. возникает свойственное Просвещению и благоприятное для развития биографии «стремление исследовать человеческую природу и разум в их естественных состояниях»¹⁴. Место человека в обществе перестаёт восприниматься как раз и навсегда заданное Богом, а мир – как единое целое, включающее и человека. В отношениях с миром появляется множество необходимых и возможных коммуникативных действий¹⁵. В Англии XVIII столетие становится «золотым веком» биографии. В это время формируются две основные тенденции, определяющие дальнейшее развитие жанра. Их задают «Жизнь поэтов» (1779–1791) С. Джонсона и «Жизнь Сэмюэла Джонсона» (1791) Дж. Босуэлла. Первая становится образцом сжатой аналитической, вторая – многотомной документальной биографии¹⁶. В Германии подобный «прорыв индивидуальной биографии» случается только после 1848 г.¹⁷

Для биографий XIX в. были характерны обусловленное позитивизмом стремление к научности и документальности, а также идеализация и героизация её субъектов. В результате личность героя подчас тонула среди бесконечного нагромождения фактов¹⁸, а биография превращалась в панегирик, «героический портрет нравственного совершенства», по выражению И. Во¹⁹. Литтон Стрейчи упрекал викторианскую биографию в нагромождении материала, небрежности стиля,

уныло-панегирическом тоне, отсутствии отбора, дистанции, организации²⁰.

Реакцией на всё это стали «революция жанра» в период между двумя мировыми войнами и появление так называемой «новой биографии». Ключевую роль в этом процессе большинство исследователей приписывают Литтону Стрейчи. «Можно сказать, что современная биография появилась вместе со “Знаменитыми викторианцами” (1918) Литтона Стрейчи», – утверждает М. Стэннард²¹. Принципами новой биографии стали повышенное внимание к внутреннему миру человека, подчёркнутая психологичность, установка на объективность и отказ от оценки, иронический тон, отказ от лакировки²².

В качестве причин возникновения новой биографии исследователи называют противоречие между традиционной биографией и изменившимся представлением о человеке. Теории К. Маркса, Ч. Дарвина и З. Фрейда способствовали тому, что человек стал рассматриваться в первую очередь как существо материальное и приземлённое²³. Первая мировая война подорвала в людях доверие к своим лидерам²⁴. Новые данные о человеке, о его животном начале, об иррациональном в нём нужно было осмыслить и каким-то образом соединить с прежними гуманистическими представлениями. Биография межвоенного времени стала реакцией на ощущение запутанности и сбитости с толку вследствие разрушения прежней концепции единства человеческой личности²⁵. В то же время фрейдизм и социальные науки дали биографии новые объяснительные модели, хотя, как отмечают и К. фон Циммерман, и А. Шторр, вопреки распространённым представлениям реальное влияние психоанализа на биографию 1920–1930-х гг. оставалось достаточно поверхностным²⁶.

Одним из важных изменений в жанре стало повышение требований к литературности формы биографии. «Эстетизация» биографии является одной из несомненных заслуг Литтона Стрейчи²⁷. В XIX в. биография не причислялась к литературным жанрам. Она функционировала как документ, свидетельство времени и воспринималась как вклад в историографию²⁸. Основной задачей биографа считались работа с источниками и сбор материала²⁹.

С другой стороны, новая биография также отмежевывалась и от историографии, так как в центре её внимания стоит отдельная личность, а не исторические события. В XIX в. в Германии существовало «плутарховское» направление в биографии, развивавшееся отчасти в пику истории и подчёркивавшее автономность развития личности от неё³⁰. С. Ли подчёркивает в своей лекции «Национальная биография» (1896 г.) принципиальное различие объектов и задач истории и биографии: «...историк смотрит на человечество в полевой бинокль, а биограф помещает отдельного человека под лупу»³¹.

Только изменение отношения к биографии в начале XX в. сделало возможной литературовед-

ческую рефлексию над её жанровыми особенностями и проблемами. Активную дискуссию вызвала проблема связи биографии с художественной литературой. Ещё в 1909 г. в обзоре книги Г. Феррери «Величие и упадок Рима» появляется утверждение Стрейчи о том, что «первая обязанность великого историка – быть художником»³², реализованное затем в вышедших в 1918 г. «Выдающихся викторианцах».

С. Ли в эссе 1911 г. «Принципы биографии» замечает, что биография даёт широкий простор для приложения литературного дара³³. Подробнее в эссе эта тема не раскрывается, но её подхватывают другие.

Глубокий исследователь специфики гуманитарного знания В. Дильтей в 1910 г. называет биографию «литературной формой понимания чужой жизни» и озаглавливает раздел своей работы «Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften» («Биография как произведение искусства»)³⁴. В то же время его отношение к возможностям биографии критично, так как она как форма подходит для описания индивидуальной жизни, а индивидуум в современном мире является «только точкой пересечения культурных систем и организаций, в которые вплетено его существование»³⁵.

Практики «новой биографии» после Л. Стрейчи (француз А. Моруа, немец Э. Людвиг, англичане Х. Николсон и В. Вулф) в попытках осмысления собственной художественной практики отталкивались именно от этого представления о биографии как произведении искусства литературы. Например, Х. Николсон в «Развитии английской биографии» (1927) указывает, что биографу не требуется гениальности, но нужно литературное дарование, хотя оно и остаётся лишь вторичным по важности навыком. При этом сам Николсон, анализируя труд Дж. Босуэлла, уделяет именно литературной стороне работы, его стилю несколько страниц. Выделяя три главных элемента «чистой биографии», Николсон называет правду, индивидуальность и искусство. Однако свойственное современной ему биографии стремление и к правде, и к искусству Николсон считает разнонаправленным и скептически относится к возможностям его плодотворного сочетания в рамках одного жанра³⁶.

Не менее противоречивы и взгляды на эту проблему, высказанные в двух разделённых примерно десятилетием эссе В. Вулф. В эссе «Новая биография» (1927) она отмечает изменение авторской позиции в «новой» биографии по сравнению с викторианской: «... он отбирает; он синтезирует; короче, он перестаёт быть хроникером; он превращается в художника»³⁷. Однако в эссе «Искусство биографии» (1939) Вулф приходит к выводу, что биография является «самым ограниченным из искусств», так как обязана опираться на объективные факты и не имеет права использовать вымысел, а значит, биограф несвободен по сравнению с под-

линным художником и может считаться только ремесленником³⁸.

А. Моруа был настроен более оптимистично, утверждая в докладе «Аспекты биографии» (1928), что биограф вполне может приблизиться к искусству романиста, не пренебрегая научной точностью. Моруа утверждает, что процесс воссоздания цельной картины человеческой личности на основе документов и свидетельств – это работа для художника, а не для учёного³⁹. Кроме того, документы представляют человека в абстрагированном виде и создание на их основе живого образа, отбор работающих на него деталей из всего имеющегося материала, воссоздание индивидуального – удел именно искусства, а не науки.

А. Моруа поддерживает и Э. Людвиг, противопоставляя биографу-учёному прежних лет современного биографа-художника и подчёркивая, что драматург с намётанным взглядом куда лучше умеет в жесте и слове различить характер и найти нужное в кипе документов⁴⁰.

Феномен «новой биографии», романа-биографии обратил на себя внимание философов и литературоведов. Так, один из создателей Франкфуртской школы З. Кракауэр, рассуждая в 1930 г. о необычайной популярности жанра, видит в биографии проявление эскапизма ищущего какую-то опору в жизни после потрясений Первой мировой войны «нового среднего класса» и приходит к выводу, что привлекательность биографии для читателя состоит в первую очередь именно в свойственной ей чёткой литературной форме, дающей ощущение стабильности⁴¹.

Таким образом, к 1920–1930-м гг. биография постепенно, пусть и с оговорками, стала восприниматься как литературно-художественный жанр. В дальнейшем это стало ведущей точкой зрения (так, Л. Эдель в «Writing Lives» категорично требует «закрывать лавочку» от биографов, не имеющих литературных данных⁴², а Н. Хэмилтон в своих рекомендациях «Как сделать биографию» утверждает, что «биограф обязан быть или стать хорошим писателем»⁴³).

Особенно во второй половине XX в., когда биографии знаменитостей, политиков и исторических деятелей едва ли не сравнивались по тиражам с романом, расширились и углубились литературоведческие дебаты о жанре биографии. До сих пор то и дело возникает старый вопрос о принадлежности биографии к науке или художественной литературе, возникает потому, что не может быть решён однозначно, так как биография сочетает в себе черты и научной работы, и художественного произведения, а объём обеих этих составляющих в каждой конкретной биографии подвижен. Биографии продолжают рассматривать в том числе в контексте историографии⁴⁴ и считать их создание ремесленничеством⁴⁵. Б. Фетц называет биографию «бастардом» науки и искусства⁴⁶. М. Бентон прибегает к похожей метафоре, называя её «бедной родственницей», «Золушкой», не признаваемой

своей ни историографией, ни художественной прозой и поэтому долго не получавшей достаточного внимания исследователей⁴⁷. Так, делом будущего остаётся создание жанровой классификации.

На данный момент универсальной внутрижанровой типологии биографии не существует. Исследователи предлагают свою классификацию, основывающуюся на различных содержательных и формальных критериях. Для Р. Хоберман это степень опосредованности отношений автора биографии и его героя, на основании чего она выделила три типа: роман-биографию со всеведущим автором; опосредованную биографию, где автор драматизирует свою точку зрения на героя; психосоциобиографию, где автор опирается на исторические свидетельства, а объект и окружающее его показаны в тесной взаимосвязи. Все вместе эти три типа биографии, характерные для периода 1918–1939 гг., противопоставляются Хоберман «массивным компиляциям XIX в. с их атмосферой всевластия морали и подчеркиванием внешних достижений»⁴⁸.

Дж. Л. Клиффорд кладёт в основу своей классификации критерий объективности. Полностью объективная биография невозможна, а остальные он по мере убывания объективности разделяет на научно-исторические, художественно-научные, повествовательные и романизированные⁴⁹.

Отечественное литературоведение схожим образом разделяет биографии на академические, научные, популярные и художественные, подчёркивая при этом, что большинство реальных современных биографий принадлежит к промежуточным типам⁵⁰.

М. А. Украинец, рассматривая английскую биографию, выделяет несколько типов в зависимости от эпохи написания и главенствующего в это время мировоззрения: биографию XVIII в., биографию романтизма, викторианскую, модернистскую и постмодернистскую биографию⁵¹. Схожие, но не идентичные типы выделяются и в истории немецкой биографии: биография XVIII в., романтизма, биография бидермейера, Веймарской республики, постмодернистская. Однако попытки создать историческую типологию жанра для немецкой литературы не предпринимались.

М. А. Украинец вслед за И. В. Кабановой отмечает отсутствие удачной классификации на основе чисто лингвистических и нарративных критериев⁵².

Разные авторы рассматривают также отдельные модели биографии, такие как групповая, контекстуальная, тривиальная, силуэтная, мажоритарная и миноритарная биографии и другие, не предлагая общей классификации⁵³.

Следующей теоретической проблемой жанра является вопрос о том, кто достоин биографического описания. Выбор героя всегда был важным для биографии. Как пишет Б. Фетц, биография как жанр связана с проблемой оценки и переоценки прошлого. С древних времен возможность оста-

вить след в коллективной памяти воспринималась как возможность продления жизни, а сохранение чьей-то жизненной истории – как честь, и биография реализует эту модель синтеза индивидуальной и коллективной памяти⁵⁴.

Проблема получения «права на биографию» рассматривалась Ю. М. Лотманом в статье «Литературная биография в историко-литературном контексте» (1986). На примере перехода от средневековой житийной литературы к биографиям писателей в Новое время учёный показал, что право на биографию получают люди, реализующие в своей жизни некую нестандартную для данного общества и требующую усилий модель поведения. Эта модель обычно связана со следованием определенным ценностям, признанным в обществе и зафиксированным культурной памятью в качестве положительного образца⁵⁵. Исследователи подчеркивают изначальную дидактичность жанра биографии, свойственную ей, даже если при этом авторы декларируют отказ от морализаторства⁵⁶. Исследователи жанра и авторы популярных биографий часто возвращаются к прозвучавшему в XVIII в. утверждению С. Джонсона, что биография должна давать прикладные знания, возможность заглянуть с её помощью в человеческую душу, должна быть полезна читателю в его собственной жизни, давать ему уроки и предостережения⁵⁷. Н. Хэмилтон подчёркивает, что целью биографии всегда было помочь установить границы приемлемого для общества – в частности, она служит признанию обществом отдельных прежде замалчиваемых групп⁵⁸.

Одним из ключевых изменений в биографии XX в., по сравнению с XIX в., стало изменение отношения к роли автора. Из «серьёзного и дружественного спутника, рабски следующего по стопам своего героя», как пишет В. Вулф, биограф стал ровней ему, не другом и не врагом, сохраняющим за собой право на независимость суждений⁵⁹. Самые известные биографы межвоенного времени Л. Стрейчи, А. Моруа, Э. Людвиг подчёркивают важность отбора и обработки материала при создании биографии, а следовательно, и авторского начала. Эта тенденция во второй половине XX в. приводит иногда к перемещению биографа в центр повествования⁶⁰. В связи с этим возникает вопрос объективности повествования. Стандартные требования к биографу быть объективным в оценках и аккуратным в изложении фактов повторяются во многих работах по биографии⁶¹. Однако время эпистемологического оптимизма, позволявшего призывать «описывать всё, как было»⁶², давно миновало. После лингвистического поворота в философии роль биографа в конструировании образа его героя стала очевидна, отмечает Х. Э. Бёдекер⁶³. У. Киттштейн подчёркивает, что все схемы отбора, оценки и соединения материала, применяемые для создания цельной истории, основываются на определенной картине мира автора, его убеждениях и представлении о

личности, происходящих из его настоящего⁶⁴. Таким образом, оказывается теоретически обоснованной необходимость создания нескольких конкурирующих биографий одного человека и переписывания уже имеющихся биографий заново⁶⁵. Р. Холмс сравнивает биографии с зеркалами для каждого следующего поколения биографов, переписывающих их, как античные драматурги переписывали одни и те же мифы⁶⁶.

Всё это приводит к признанию того, что автор, по выражению П. Бэкшайдер, является «самой незаметной и самой властной персоной в биографии». То, как он повествует, отражает его отношение к происходящему и окрашивает текст и восприятие читателя. Одно и то же событие, благодаря подбору мелких деталей, их компоновке, стилю и различной доле авторских комментариев, у разных биографов будет выглядеть по-разному⁶⁷. Как отмечает А. Б. Надель, подача деталей оказывается куда важнее для восприятия описываемой жизни, чем сами эти детали⁶⁸. Исследователь подчёркивает, что биография является «вербальным артефактом» и её главный инструмент – образный язык, с помощью которого конструируется жизнь героя⁶⁹. Поэтому для понимания жанра важно обращение к формальной стороне биографии, а конкретнее – к анализу функций тропов, форм нарратива и природы мифа в ней⁷⁰. Под мифом в данном случае (вслед за Л. Эделем) понимается представление о «настоящем Я» («*real Me*»), составляющем глубоко скрытое ядро человеческой личности⁷¹. Говоря о роли тропов при создании биографии, А. Б. Надель и У. Киттштейн опираются на теорию Х. Уайта, выделившего в качестве четырех основных тропов *метафору*, передающую общую концепцию автора, *метонимию*, позволяющую уплотнять факты, *синекдоху*, выражающую их единство, и *иронию*, служащую для дистанцирования. Х. Уайт считал также, что именно на уровне использования тропов происходит предварительное структурирование материала, таким образом, он является определяющим и в соответствии с ним выбирается нарративная схема, выстраиваются объяснительный и идеологический уровни⁷².

Проблема выбора нарративной модели для биографии также привлекает внимание учёных. М. Бентон отмечает, что, основываясь на реальных фактах, биография имеет много общего с художественной литературой в том, как они излагаются, в частности в том, что биография, как любая история, имеет свои начало, середину и конец; выбор материала, помещаемого в эти позиции, зависит от автора и в значительной мере связан со всей его концепцией описываемой жизни⁷³. У. Киттштейн подчеркивает, что рассказ о случившихся событиях, будь то исторический труд, биография или бытовой рассказ, отличается от хроники с простым перечислением дат и событий установлением внутренних связей между отдельными элементами. Если в действительности

невозможно выделить четкие начало и конец какого-либо события, то для рассказываемой истории определение их и связей между ними является необходимым условием. Отдельное событие не имеет смысла для потомков и приобретает его только будучи вписанным в рассказ, в нарративную схему, выбор которой и позволяет преобразовать случившееся в историю⁷⁴.

Именно это свойство биографии как законченной истории придавать смысл разрозненным событиям жизни и преодолевать её фрагментарность и является, по мнению большинства исследователей (А. Б. Надель, Ю. Шлегер, Е. В. Беккер, У. Киттштейн, К. Бруммак и др.) одной из основных причин популярности этого жанра у широкого круга читателей, особенно в те исторические периоды, когда цельность и само существование человеческой личности оказываются под сомнением⁷⁵.

Примечания

- 1 Холиков А. Биография писателя как жанр : учеб. пособие. М., 2010. С. 21.
- 2 См.: Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. М., 1962. Т. 1. С. 619–620 ; Литературная энциклопедия терминов и понятий / глав. ред. и состав. А. Н. Николюкин. М., 2003. С. 90–91.
- 3 Холиков А. Указ. соч. С. 77.
- 4 Там же. С. 23.
- 5 Цит. по: Холиков А. Указ. соч. С. 22.
- 6 Валецкий А. Биографика как дисциплина гуманитарного цикла // Лица : биографический альманах. Вып. 6. М. ; СПб., 1995. С. 32.
- 7 См.: Brummack K. Theorie und Praxis der Biographie am Beispiel von Marieluise Fleißer. München, 2007. S. 6.
- 8 Аверинцев С. Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М., 1973. С. 163.
- 9 «The only rule about writing biography is that there are no rules» (Lee H. Biography : a very short introduction. Oxford, 2009. P. 18).
- 10 См.: Backscheider P. R. Reflections on biography. Oxford, 1999. P. 16–17.
- 11 См.: Parke C. N. Biography : writing lives. L., 2002. P. 1–2.
- 12 См.: Аверинцев С. С. Указ. соч. С. 120–126.
- 13 См.: Hamilton N. Biography : a brief history. Cambridge, 2007. P. 60.
- 14 Alheit P., Dausien B. «Bestreben, die menschliche Natur und Vernunft in ihren wirklichen Grundlagen zu erforschen». Цит. по: Brummack K. Op. cit. S. 8.
- 15 Ibid. S. 9.
- 16 См., например: Shelston A. Biography : Critical idiom. L., 1977. P. 31.
- 17 «Der Durchbruch der Individualbiographie» (Brummack K. Op. cit. S. 30).
- 18 Ibid. S. 31.
- 19 «An heroic portrait of moral rectitude». Цит. по: Stannard M. The Necrophiliac Art? // The Literarily Biogra-

- phy. Problems and Solutions / ed. by D. Sabwak. Iowa City, 1996. P. 32.
- ²⁰ «Those two fat volumes, with which it is our custom to commemorate the dead – who does not know them, with their ill-digested masses of material, their slipshod style, their tone of tedious panegyric, their lamentable lack of selection, of detachment, of design?». *Strachey L.* Preface to «Eminent Victorians» // *Biography as an Art. Selected Criticism 1560–1960* / ed. by J. L. Clifford. Oxford, 1962. P. 122.
- ²¹ «Modern biography might be said to have begun with Litton Strachey's *Eminent Victorians* (1918)» (*Stannard M.* Op. cit. P. 32).
- ²² См., например: *Edel L.* *Writing Lives : Principia biographica*. N. Y., 1987. P. 28–30 ; *Zimmermann Ch. V.* *Biographische Anthropologie : Studien Zur Erprobung Des Menschenbildes In lebensgeschichtlicher Darstellung*. Berlin, 2006. S. 274 и др.
- ²³ См.: *Storr A.* *Psychiatry and Literary Biography* // *Batchelor J.* *The art of literary biography*. Oxford, 1995. P. 79.
- ²⁴ См.: *Benton M.* *Literary Biography : An Introduction*. Hoboken, 2009. P. 6.
- ²⁵ См.: *Zimmermann Ch. V.* Op. cit. S. 310–311.
- ²⁶ *Ibid.* S. 225 ; *Storr A.* Op. cit. P. 73.
- ²⁷ См.: *Hoberman R.* *Modernizing lives : experiments in English biography, 1918–1939*. Carbondale, 1987. P. 13.
- ²⁸ См.: *Brummack K.* Op. cit. S. 31.
- ²⁹ *Zimmermann Ch. V.* Op. cit. S. 25.
- ³⁰ *Ibid.* S. 111–112.
- ³¹ «The historian looks at the mankind through a field-glass; the biographer puts individual man under a magnifying glass». Цит. по: *Novarr D.* *Lines of Life : Theories of Biography, 1880–1970*. West Lafayette, 1986. P. 10.
- ³² «The first duty of a great historian is to be an artist». *Ibid.* P. 28.
- ³³ *Ibid.* P. 12.
- ³⁴ «Biographie als Kunstwerk» (*Dilthey W.* *Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften*. [Auszug] [1910]) // *Theorie der Biographie : Grundlagentexte und Kommentar* / hrsg. von B. Fetz, W. Hemecker. Berlin, 2011. S. 59–64.
- ³⁵ «Das Individuum ist nur der Kreuzungspunkt für Kultursysteme, Organisationen, in die sein Dasein verwoben ist». (*Ibid.* S. 64).
- ³⁶ См.: *Novarr D.* Op. cit. P. 45–51.
- ³⁷ «He chooses; he synthesizes; in short, he has ceased to be a chronicler; he has become an artist». (*Woolf V.* *The New Biography* // *Biography as an Art. Selected Criticism 1560–1960*. P. 127).
- ³⁸ *Ibid.* P. 131.
- ³⁹ См.: *Maurois A.* *Die Biographie als Kunstwerk* [1929] // *Theorie der Biographie : Grundlagentexte und Kommentar*. S. 89–93.
- ⁴⁰ См.: *Ludwig E.* *Historie und Dichtung* // *Ibid.* S. 147.
- ⁴¹ *Kracauer S.* *Biographie als neubürgerliche Form* // *Ibid.* S. 120.
- ⁴² «...a biographer who does not possess a literary style ... had better shut up shop» (*Edel L.* Op. cit. P. 31).
- ⁴³ «A biographer has to be, or become, a good writer» (*Hamilton N.* *How to do biography : a primer*. Cambridge, 2008. P. 34).
- ⁴⁴ См.: *Kittstein U.* «Mit Geschichte will man etwas» : historisches Erzählen in der Weimarer Republik und im Exil (1918–1945). Würzburg, 2006. S. 378 ; *Biographie und Geschichtswissenschaft: Aufsätze zur Theorie und Praxis biograph. Arbeit* / hsgb. von G. Klingenstein, H. Lutz, G. Stourzh. München, 1979 (*Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit*, Bd. 6) и др.
- ⁴⁵ См.: *Furbank P. N.* *The Craftlike Nature Of Biography* // *Hughes L. K.* *Biographical passages : essays in Victorian and Modernist biography : honoring Mary M. Lago*. Columbia, 2000. P. 18.
- ⁴⁶ *Fetz B.* *Die vielen Leben der Biographie : Interdisziplinäre Aspekte einer Theorie der Biographie* // *Die Biographie : Zur Grundlegung ihrer Theorie* / hsgb. von B. Fetz. Berlin, 2009. S. 7.
- ⁴⁷ *Benton M.* Op. cit. P. 3.
- ⁴⁸ «All three categories define themselves against the massive compilations of the nineteenth century, their air of moral authority» (*Hoberman R.* Op. cit. P. 13–14).
- ⁴⁹ См.: *Clifford J. L.* *From Puzzles to Portraits : Problems of a Literary Biographer*. Chapel Hill, 1970. P. 84–89.
- ⁵⁰ См.: *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / глав. ред. и состав. А. Н. Николюкин. М., 2003. С. 90–91 ; *Холиков А.* Указ. соч. С. 27.
- ⁵¹ См.: *Украинец М.* Проблема внутрижанровой типологии произведений англоязычной биографической прозы // *Вест. МГОУ*. 2010, № 1. С. 82–85. В перечислении эпох и соответствующих им типов биографий на с. 82 освещаемая дальше модернистская биография пропущена и, возможно, по логике автора её следовало бы назвать стрейчианской.
- ⁵² См.: *Украинец М.* Указ. соч. С. 84 ; *Кабанова И.* Проблема жанровой типологии в английской прозе 1930-х гг. : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. С. 214.
- ⁵³ См.: *Nadel I. B.* *Biography : fiction, fact, and form*. L., 1984. P. 186–197 ; *Benton M.* Op. cit. P. 270 ; *Parke C. N.* Op. cit. P. xviii ; *Fetz B.* Op. cit. S. 34 ; *Bödeker H. E.* *Biographie schreiben*. Göttingen, 2003 (*Göttinger Gespräche zur Geschichtswissenschaft*, B. 18). S. 57–61 и др.
- ⁵⁴ См.: *Fetz B.* Op. cit. S. 22–25.
- ⁵⁵ См.: *Лотман Ю.* *Литературная биография в историко-литературном контексте* // *Учен. записки Тартуского ун-та*. Вып. 683. Тарту, 1986. С. 110.
- ⁵⁶ См.: *Lee H.* Op. cit. P. 19 ; *Scheuer H.* *Kunst und Wissenschaft : Die moderne literarische Biographie* // *Biographie und Geschichtswissenschaft : Aufsätze zur Theorie und Praxis biograph. Arbeit*. München, 1979. S. 36.
- ⁵⁷ Цит. по: *Hamilton N.* *How to do biography : a primer*. Cambridge, 2008. P. 11.
- ⁵⁸ См.: *Hamilton N.* Op. cit. P. 14 ; *Law J., Huges L. K.* *And What Have You Done? Victorian Biography Today* // *Hughes L. K.* *Biographical passages : essays in Victorian and Modernist biography : honoring Mary M. Lago*. Columbia, 2000. P. 6.
- ⁵⁹ «...the serious and sympathetic companion, toiling even slavishly in the footsteps of his hero». (*Woolf V.* *The New Biography*. P. 127).

- ⁶⁰ См.: *Peters C. Secondary Lives : Biography in Context // Batchelor J. The art of literary biography. Oxford, 1995. P. 45.*
- ⁶¹ См.: *Backscheider P. R. Op. cit. P. 5–10 ; Edel L. Op. cit. P. 40–41 ; Furbank P. N. Op. cit. P. 21–23 ; Lee H. Op. cit. P. 6–10 и др.*
- ⁶² «...bloss zeigen, wie es eigentlich gewesen», Л. Ранке, 1824 г. (цит. по: *Kittstein U. Op. cit. S. 17).*
- ⁶³ См.: *Bödeker H. E. Op. cit. S. 51.*
- ⁶⁴ См.: *Kittstein U. Op. cit. S. 21.*
- ⁶⁵ См.: *Bödeker H. E. Op. cit. S. 53.*
- ⁶⁶ См.: *Law J., Huges L. K. Op. cit. P. 13.*
- ⁶⁷ «The most invisible person in a biography is the most powerful – the author» (*Backscheider P. R. Op. cit. P. 3–6).*
- ⁶⁸ См.: *Nadel I. B. Op. cit. P. 154.*

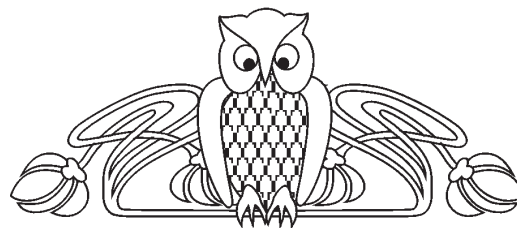
- ⁶⁹ Ibid. P. 8–9.
- ⁷⁰ Ibid. P. 151 и др.
- ⁷¹ Ibid. P. 180 ; *Edel L. Op. cit. P. 29–30.*
- ⁷² См.: *Nadel I. B. Op. cit. P. 157 ; Kittstein U. Op. cit. S. 35–38.*
- ⁷³ См.: *Benton M. Op. cit. P. 18–28.*
- ⁷⁴ См.: *Kittstein U. Op. cit. S. 27–32.*
- ⁷⁵ См.: *Nadel I. B. Op. cit. P. 9 ; Schlaeger J. Biography : Cult as Culture // Batchelor J. Op. cit. P. 65 ; Becker E. W. Biographie als Lebensform. Theodor Heuss als Biograph im Nationalsozialismus // Hardtwig W., Schütz E. H., Bekker E. W. Geschichte für Leser : populäre Geschichtsschreibung in Deutschland im 20. Jahrhundert. Stuttgart, 2005. S. 74–75 ; Kittstein U. Op. cit. S. 40–41 ; Scheuer H. Op. cit. S. 84–85 ; Brummack K. Op. cit. S. 2–3 и др.*

УДК 821.161.1.09–31+929 Толстой

ОБРАЗ ДОМА И «МЫСЛЬ СЕМЕЙНАЯ» В ПОЭТИКЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

А. В. Зиновьев

Московский государственный областной социально-гуманитарный институт
E-mail: Aspirant09@mail.ru

В статье изучается поэтика Толстого в романах «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресение» – в таком сочетании, как «образ дома» и «мысль семейная». При рассмотрении произведений разных периодов творчества Л. Н. Толстого отмечено, что связь этих категорий очевидна и, выполняя разные функции в романах, является важным компонентом в раскрытии характеров героев и понимании позиции автора по отношению к ним.

Ключевые слова: Толстой, поэтика, роман, «образ дома», «мысль семейная»

The Image of Home and the «Thought of Family» in L. N. Tolstoy's Poetics

A. V. Zinovyev

Tolstoy's poetics has never been studied in the combination of the «image of home» with the «thought of family». The relationship between these two categories is clearly visible, especially in the novels *War and Peace*, *Anna Karenina*, and *Resurrection*. Having considered these works by Tolstoy, written in different periods of his creative work, we can unwittingly notice the obvious relationship between the «image of home» and the «thought of family». It performs various functions in the novels, and it is also important in the disclosure of characters' features and in understanding the author's attitude towards them.

Key words: Tolstoy, poetics, novel, «image of home», «thought of family».

«Мысль семейная» в творчестве Л. Н. Толстого – тема традиционная. Ещё в прошлом веке к ней обращались Б. М. Эйхенбаум¹, В. Б. Шкловский² и др. И по сей день данная тема находится в сфере исследовательских интересов. Однако в таком сопряжении, как «образ дома» и «мысль семейная», поэтика Толстого не изучалась. На

наш взгляд, связь этих категорий очевидна, что отчётливо проявляется в «Войне и мире», «Анне Карениной» и «Воскресении».

Сложная структура романов Толстого передается разнообразным и одновременно употреблением изобразительно-выразительных средств. Писатель нередко прибегает к сосредоточению в одном месте произведения стилистических приемов, находящихся в сложном взаимодействии. Основными составляющими в этом взаимодействии являются психологизм, метафора, сравнение, антитеза, различные виды повторов, градация, параллелизм, инверсия.

Чётко прослеживается связь категорий «образ дома» и «мысль семейная» в романе «Война и мир», где судьбы героев представлены на фоне семейных отношений. Следуя традициям реализма, автор хотел сопоставить между собой разные семьи, которые являются типичными для своей эпохи. В этом сравнении Толстой нередко использует прием антитезы: одни семьи показаны в развитии, другие же являются статичными. К последним относится семья Курагиных. Толстой, показывая всех ее членов, уделяет большое внимание портретам, так как внешняя красота Курагиных заменяет собой духовную. В этой семье присутствуют многие человеческие пороки. «Мои дети – обуза моего существования. Это мой крест»³, – признаётся князь Василий Анне Павловне. Отношения Элен с Пьером трудно назвать семейными, супруги все время в разлуке. Никто из семьи Курагиных не оставляет после себя наследников.